

.... В части предложения интересно отметить, что в славянском абecedарии, относимом Ягичем к 1-й полов. XI в., между „ѡ“ и „ѧ“ в глаголическом алфавите читается „ѡѡ“ или „ѡѡ“, а в кирилловском „ѡѡ“ внесено следующее изменение: интересно отметить, что в славянском абecedарии, относимом Ягичем к 1-й полов. XI в., между „ѡ“ и „ѧ“ в кирилловском алфавите читается „ѡѡ“.

..... Предложение: «Порядок букв вполне согласен с порядком букв в цифровой системе и старших акростихах, и только буква „х“ в обычном начертании, очевидно, не на месте: ее место должно быть или рядом с наукообразным „х“, или по-прежнему в цифровой системе и старших акростихах, и только буква „х“ в обоих начертаниях, очевидно, не на месте: х обычного типа должно быть после ф, а наукообразное „х“ после „ѡ“».

..... Перечеркнуты два абзаца третьего предложения, начиная со слов: «Очень интересен перечень».

Мюнхенский абecedарий

Академик Ягич в Энциклопедии Славянской Филологии, вып. 3, стр. 137 [Ягич, 1911], упоминает об имевшейся у него фотографии с одного славянского абecedария, заключавшего оба славянских алфавита — и кирилловский, и глаголический. С какой рукописи снята эта фотография и как она попала к нему, Ягич не помнит. Судя по короткому описанию Ягича, абecedарий очень интересен: в кирилловском алфавите имеется к, после ш — буква п согласно с акростихами старших славянских стихотворных молитв и показанием Абесплатиш булгалитш, где после «о!» следует «ре»: в глаголическом алфавите буквы¹ ѡ, к и м старого типа; имеется х обычного рисунка и «наукообразное»; после ѧ — буква, напоминавшая Ягичу глаголическое ѡ, что дает право думать, что это — не что иное, как первая часть глаголического ѡ; наконец, нет буквы ж, согласно с акростихами. Запороговываясь этим абecedарием, я наводил справки о нем в Вене и Будапеште, но безрезультатно.

Совершенно случайно на след этого абecedария попал профессор Венского Университета Трубешкой, любезно сообщивший мне о своей находке следующее:

«Один приват-доцент Венского Университета, германист, получив от ориенталиста С. Эруингера из Баварии фотографию латинской рукописи с приписанными славянскими алфавитами; С. Эруингер просил справиться у венских славистов о точной датировке этих алфавитов. Приват-доцент принес фотографию мне ... и С. Эруингер снабдил фотографию письмом, в котором дает вполне точные данные о ее происхождении. Фотография эта представляется из себя снимок с последней страницы латинской рукописи конца X или начала XI в., хранящейся в Мюнхенской Публичной Библиотеке (Staatsbibliothek) под

¹ Глаголические буквы даны в кирилловской транскрипции. Об Абесплатиш булгалитш см. у Ягича ib., стр. 136, и табл. VII, снимок 16 [Ягич, 1911].

рубрикой Cod. Lat. 14485. Содержание рукописи — латинские стихотворные духовные драмы немецко-латинской поэтессы Hilgswiha, жившей в X веке в Баварии (по-видимому, в Ретенсбурге). Найдена была эта рукопись в XVI в. в монастыре St. Emmeram в Ретенсбурге (нашца ее Conrad Seltes). Рукопись издана Winterfeldом „Hilgswiäe oręta“ в серии Scriptores germanici in usum scholarum separatim editi, Berlin, 1902 (на стр. 3 рукопись описана)*.

По моей просьбе Трубенской прислала мне фотографию Мюнхенского аббациария, которая позволяет дополнить и исправить описание Ягича, оказавшееся не совсем точным. Позволяю себе далее, описывая аббациарий, не ссылаться, кроме немногих случаев, на описание Ягича.

Рукопись, в которую вписан аббациарий, — X—XI в., но сам аббациарий писан другим лицом, значительно позднее; когда именно, сказать трудно, потому что писец, как видно из искажения им и кирилловских, и глаголических букв, не знал ни того, ни другого славянского алфавита и потому не мог проявить своей привычки к тем или другим начертаниям, выдающей писца, списывающего с более старой рукописи. Поэтому мы можем ставить вопрос не о том, когда аббациарий писан, а о том, к какому времени могут относиться те типы кирилловских и глаголических букв, какие писец этого аббациария копировал.

В обоих алфавитах по 38 букв. Каждая буква отделена от соседней двосточием. В глаголическом алфавите для у дано два знака: обычное глаголическое у и перевёрнутое ш с высокими мячками, не отделенные друг от друга двосточием. Число букв аббациария точно соответствует числу букв славянского алфавита, указанному Храбром², но вряд ли Храбр, насчитывая 38 букв, имел в виду тот же состав букв: в обоих алфавитах есть Ѧ (т. е. Ж), но нет ж: если Храбр включал в число 38 букв Ѧ, то должен был включить и ж, а если не включал ж, то не мог включить и Ѧ.

В кирилловском алфавите по два раза повторены буквы з и п; это повторение явно объясняется желанием дать кирилловские соответствия всем буквам глаголического алфавита; оба з и оба п соответствуют разным буквам глаголического алфавита: поэтому и отсутствие буквы

* Сказание Храбра по нескольким редакциям издано Ягичем в „Рассуждениях кожнославянской и русской старины“ (Исследования по русскому языку, т. I) [Ягич, 1896]. См. также Давров. Куриво та Методий, Киев, 1928, стр. 137—149 [Давров, 1928].

Ѧ в кирилловском алфавите может объясняться как тем, что этой буквы не было в известном составителю кирилловском письме, так и тем, что одной букве глаголического алфавита составитель аббациария считал достаточным указать только одно соответствие.

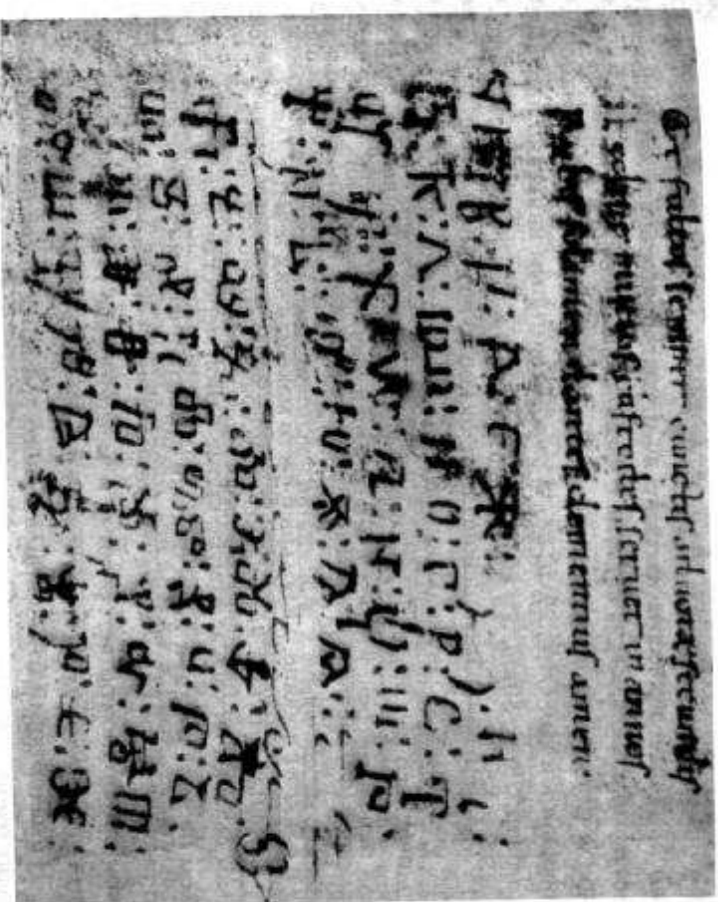

Рис. 1. Часть страницы Мюнхенской рукописи, содержащая аббациарий, в натуральную величину

Состав кирилловского алфавита следующий: 1) а, 2) б, 3) в, 4) г, 5) д, 6) е, 7) ж, 8) з, 9) и, 10) н, 11) о, 12) п, 13) қ, 14) р, 15) очень искаженное м, 16) н, 17) о, 18) п, 19) р, 20) с, 21) т, 22) у, 23) ф, 24) х, 25) ш, 26) ѡ (в глаголическом алфавите этой букве соответствует особая буква), 27) буква, похожая на латинское N, которую можно понимать как перевёрнутое на другую сторону и искаженное и, 28) у, 29) ш, 30) закрючка, которую можно понимать как сильно искаженное перевёрнутое ѡ, 31) ц с высокой ножкой на строке, 32) ѡ, 33) в, 34) сильно иска-

женное **Ѡ**, 35) **ѡ**, 36) **Ѣ**, но вместо вертикальной черты слева приставлена к головке буквы наклонная черта справа, 37) **Д** той формы, какая встречается в Сав., с внутренней перекладиной наклонной, но без нижней перекладины.

Состав глаголического алфавита (передаю в кирилловской транскрипции): 1) **А**, 2) **В**, 3) **Г**, 4) **Г**, 5) **Д**, 6) **Е**, 7) **Ж**, 8) **З**, 9) искаженное **З**, 10) «иже на треугольнике», 11) «иже на кружке», 12) **К**, 13) **К**, 14) **Л**, 15) **М**, 16) **Н**, 17) вместо глаголического **о** — буква, похожая на латинское **ц**, 18) **п**, 19) **р**, 20) **с**, 21) **т**, 22) **у**, 23) **Ѡ**, 24) **У** обычного типа, 25) искаженное **ш** (но не паукообразное **Х**¹), 26) особая буква, несколько напоминающая **к** в Пр. Отр., 27) **ц**, 28) **у**, рядом с которым написано перевёрнутое **ш**, 29) **ъ**, 30) **ш**, 31) «иже на ножке», 32) **в**, 33) **Ѡ**, 34) «паукообразное **Х**», 35) буква, напоминающая греческое **ψ**, но с кружком внизу хвоста; очевидно, это несколько искаженное начертание первой части глаголического **ѡ**², 36) **ю**, 37) **Д** (т. е. буква, употреблявшаяся в Син. Пс. для передачи греч. **γ** перед **υ**, а в большей части македонских глаголических текстов для **ε** после согласных), 38) **Д** (т. е. дигитурра, употреблявшаяся в КД для **ε** вообще, а в большей части македонских текстов для **ε**).

Как видно, буквы кирилловского алфавита точно соответствуют буквам глаголического алфавита, кроме одной перестановки в кирилловском (**ю** и **ѡ**) и одной перестановки в глаголическом (**ъ** и **ш**); сверху того глаголическим **І** («иже на ножке») и **Ѣ** на 31 и 32 месте в кирилловском ошибочно соответствуют **Ц** и **Ѡ**; 26-й букве глаголического алфавита в кирилловском соответствует **п** и паукообразное **Х** — **Ѡ**.

Из начертаний букв кирилловского алфавита некоторые воспроизводят очень архаичные типы, бывшие в употреблении не позже XII в.: **А** с петлей, обращенной острым концом вправо, **А** не вниз, **И** с горизонтальной перекладиной посередине, симметричное **Ж**, **К** с верхней не перечеркнутой линией, **Н** с перекладиной, идущей наискось от левой верхней части левой черты к нижней части правой, **Р** с маленькой головкой, **Ш** с высокой средней, симметричное **У** с очень глубокой круглой чашечкой, **Ц**, стоящее в строке, **ѡ** с боковой чертой, идущей от головки, без соединительного штриха (ср. **ѡ** в Сав.), **Д** с косой средней перекладиной (имеется только в Сав.); остальные начертания не характерны для датировки.

³ Ср. Вулапо-Slavica, I, стр. 62—63, 73 [Дурново, 1929, наст. изд., с. 594, 611].

В глаголическом алфавите фигуры некоторых букв носят угловатый характер: петли **У**, **Г**, **Ж**, **З**, **И**, **А**, **П**, **У** квадратные, **У** других букв приближаются к квадратным. При всем том типы букв не напоминают типов хорватской угловатой глаголицы, а соответствуют старым типам, так что угловатость глаголический алфавит сближается скорее всего да-же не с такими образцами старшей хорватской глаголицы, как Венские отрывки, отрывок Груковича, Круские доски и Круская надпись (ср. иные начертания для **Е**, **М** и др.), а с такими памятниками, как Пражские отрывки, вставные листки Зогра, Абсепатитш вулгатуш. К старому, дохорватскому типу относятся начертания букв **Д**, **А**, **Е**, **С**, **И** («иже на кружке»), **К**, **М**, **У**, **Ф**, **В**; кроме того, имеются буквы, отсутствующие в хорватской глаголице — «паукообразное» **Х**, первая часть **ѡ** и буквы **Д** и **Д**. Остальные буквы для датировки менее характерны. Отмечу начертание **В** с хвостом, примыкающим не к левой черте, а к середине между левой и средней, как в Коц. и Син. Пс.; фигура **К** ближе всего к начертаниям этой буквы в Зогра, Венских отрывках и отрывках Михановича; в а верхняя часть лежит на двух нижних, как в Пражских отр. Ассем., добавочных листках КД; в **У** обе части слиты, как в Ассем., Мар., Син. Пс. и позднейших, 2-я часть горизонтальными штрихами, заходящими за правую часть буквы, делится на 3 части; **ъ** и **ѡ** имеют форму восьмерки как в Коц., Мар., Ассем., Син. Пс. и Син. Требн., **Ѡ** с усеченной верхушкой, как в Пражских отр., Син. Пс., Охр. ев. отр. и др.; **ш**, несмотря на искажение, напоминает **ш** в Венских отрывках.

Все палеографические черты указывают на то, что источник обоих алфавитов Мюнхенского абцедария был не позже XII века.

Мюнхенский абцедарий имеет большое значение для суждения о первоначальном составе славянского алфавита. Прежде всего отметим совпадение порядка букв этого абцедария с порядком букв акростихов старших славянских стихотворных молитв — Константина Болгарского и Ярославского молитвенника⁴. Кончая **ш**, этот порядок совпадает с порядком букв в глаголической цифровой системе. После **ш**, между этой последней, с одной стороны, и акростихами и Мюнхенским абцедарием, с другой, является как бы расхождение. В глаголической

⁴ Тексты обеих молитв — у Соболевского. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии (сборн. ОРЯС, т. 88) [Соболевский, 1910], ср. Дауров, Кирико та Методий, стр. 192 [Дауров, 1928].

цифровой системе непосредственно после *ш* следует *ц*; в глаголическом алфавите Мюнхенского аббациария — особая буква, не похожая на *ц*; в кирилловском алфавите того же аббациария ей соответствует *п*, в обоих старших стихотворениях с акростихом — слова на букву *п*; в Аббеспагишм *в*ulgariшм соответствующей буквы нет, но за названием «*от*», стоящим над наукообразным *Х*, но соответствующим, очевидно, букве *ш*, следует название «*ре*», стоящее над буквой *ц*; то же название для какой-то буквы — «*пѣ*» — имеется и во 2-й редакции Сказания Храбра. Эти соответствия как будто указывают, что загадочную 26-ю букву глаголического алфавита Мюнхенского аббациария надо читать как *р*. Ввиду того, что для звука *р* в глаголическом алфавите, помимо этой буквы, уже были две буквы — *п* и *ф*, — соответствовавшие греческим *т* и *ф*, можно бы думать, что она, в свою очередь, соответствовала греческому *у*. Рано исчезнув из глаголического письма, она и в цифровом значении была заменена другой буквой. Но при таком предположении непонятно, почему она оказалась в алфавите после *ш*, а не перед ним; почему ее нет ни в одном глаголическом тексте, хотя бы для передачи греческого *у*?⁵ и почему вместо нее в цифровом значении взято именно *ц*? Непотребительность тех или иных знаков в буквенном значении в славянском письме не мешала употреблять их в цифровом значении. В глаголических текстах, не употребляющих букв *з*, *к*, *ц*, *ш*, в цифровом значении эти буквы не заменяются другими; в кириллице издавна в цифровом значении употреблялись *з* и *с*, не употреблявшиеся в качестве букв, и только позднее, когда появились несимметричное *у*, оно вытеснило и старую цифру *с*. Если предположить, что 26-й буквой первоначального алфавита не было *ц*, а была буква со значением *р* (или *рѣ*), то *ц* придется признать новой буквой. Действительно, до последнего времени принято было видеть в ней лигатуру *ш + т*; я в 1926 г. предположил, чтоковать ее как лигатуру *ш + у*. Но теперь и то, и другое предположение представляется мне маловероятным. Кроме того что лигатур такого типа не существовало, славянские рукописи XI в. показывают, что славяне, произносившие сочетание *ш* и *ц*, не ощущали никакой потребности обозначать их одной буквой, и многие, знаящие букву *ц*, тем не менее предпочитали писать две бук-

⁵ Замечу, прочтем, что и буква «наукообразное *Х*», несомненно бывшая в первоначальном глаголическом алфавите, во всей глаголической письменности встречается только один раз.

вы или прибегать к лигатурам обычного типа. Предположение же, что в первоначальном алфавите были обе буквы — и 26-я буква глаголического алфавита Мюнхенского аббациария со значением *р* или *рѣ*, и буква *ц* — не находит себе поддержки ни в самом этом алфавите, ни в акростихах старших болгарских стихотворений, ни в Сказании Храбра. Если же предположить, что 26-й буквой первоначального славянского алфавита было именно *ц*, на которое указывают глаголическая цифровая система и венские аббациарии, правда поздние, изданные Копитаром (Slav. Slov. XXIX) и Кидричем (Novi Zariški VII, 145), то 26-ю букву глаголического алфавита Мюнхенского аббациария можно объяснить как искажение какой-то глаголической буквы, стоявшей в источнике Мюнхенского аббациария вместо *ц* потому, что составитель не знал буквы *ц* из глаголического письма, а передача ее через *п* объяснялась бы тем, что с этой буквы начиналась ее название, так как в начале слов она не встречалась, ср. названия «*ерь*», «*ерьв*», «*ерьы*» или позднее название для *к* — «*дерьв*». Какая буква в таком случае явилась образцом 26-й буквы глаголического алфавита Мюнхенского аббациария, сказать трудно. Наибольшее сходство с ней представляет буква *к* в Пражских отрывках. Лишним штрихом по сравнению с этой последней в букве Мюнхенского аббациария является только крючок слева в верхней части буквы. Почему тогда составитель аббациария или его глаголического алфавита взял именно эту букву? Не потому ли, что она ближе всех соответствовала известному составителю по какой-то непонятной для нас традиции первоначальному произношению этой буквы? Ср. в сербских кирилловских текстах уже в XIV в. употребление *к* не только для передачи сербского *к*, но и для передачи сербского *ћ*⁶.

После *ц* в глаголической цифровой системе следует *ц*. Та же буква следует за 26-й буквой алфавита и в обоих алфавитах Мюнхенского аббациария, и в обоих акростихах, и в сказании Храбра; в Аббеспагишм *в*ulgariшм *ц* следует за *Х*, но между *Х* и *ц* пропущено *ш* и *ц* (или «*ре*»).

На букве *ц* заканчивается глаголическая цифровая система, и о дальнейшем порядке букв и составе первоначального славянского алфавита мы можем судить только по показаниям аббациариев, Храбра и акростихов.

⁶ Ср. Вугапо-Slavica, I, стр. 56—58, 68—69, 78, 79 [Дурново, 1929; наст. изд., с. 575—577, 582—583, 598].

28-е место во всех этих источниках занимает буква *у*, следующая за *ц* и в поздних славянских алфавитах. Неясно, что значит перевернутое ш рядом с *у*, но не как особая буква, в глаголическом алфавите Мюнхенского абецедария. После *у* во всех источниках (как и в поздних алфавитах), кроме глаголического алфавита Мюнхенского абецедария, следует как 29-я буква алфавита *ш*. После *ш* в кирилловском алфавите Мюнхенского абецедария, на 30-м месте, — *ъ*; тот же порядок и у Храбра. Этот порядок следует признать первоначальным. В стихотворной молитве Константина Болгарского на 30-м месте стоит стих, начинающийся с буквы *ш*, но так как буква *ъ* не может начинать собой слова, то этот стих может соответствовать букве *ъ*. В поздних абецедариях (между прочим у Дивииша в XIV в. и в греческом списке русских названий славянских букв, изданном Бандури)⁷ между *ш* и *ъ* стоит *ц*, в Абесепатим вилгатиш — *х* обычного типа. И в том и в другом случае следует видеть позднейшую вставку. В глаголическом алфавите Мюнхенского абецедария буквы *ш* и *ъ* переставлены.⁸

31-я буква глаголического алфавита Мюнхенского абецедария *!* («ниже на ножке»), причем ножка спускается ниже строки. Ягич понимает ее как вторую часть буквы *ы*. Может быть, и так: в таком случае *ъ* перед *!* мог быть пропущен еще в оригинале, если там не было еще перестановки *ш* и *ъ* (т. е. в протографе могло быть: *ш, ы, ъ, ѣ, ѥ* и т. п. с двумя *ъ* подряд). Буква *ы* между *ъ* и *ь* имеется во всех более поздних кирилловских абецедариях, начиная с абецедария Дивииша 1360 г. и списка Бандури. В кирилловском алфавите Мюнхенского абецедария между *ъ* и *ы* стоит *ц*, а *ъ* после *ы* пропущен. В Абесепатим вилгатиш буквы *ы* нет; нет и стиха на эту букву в обоих старших стихотворениях с актостихом. Можно думать, что в первоначальный алфавит *ы*, как «двоегласная», не входило, но в подсчете 38 букв Храбра учтывалось, а затем очень рано, не позже XIII в., заняло место в алфавите между *ъ* и *ь*.

На 32-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского абецедария — буква *ь*, в кирилловском — *ы*, а *ь* пропущено. В акростихах букв в глаголического алфавита соответствуют слова, начинающиеся с буквы *ь*.

⁷ См. в книге Даврова, Кирило та Методий, Київ, 1928, стр. 150 [Давров, 1928].

⁸ Возможно, что перестановка вызвана тем, что в прототипе после *ъ* стояло тоже *ш* или *ц*. Ср. *ц* после *ъ* в кирилловском алфавите того же абецедария. Во 2-й редакции Сказания Храбра между *ъ* и *ь* имеется «ш».

квы и. В более поздних абецедариях вездe после *ы* также *ь*; в Абесепатим вилгатиш буквы *ь* нет.

На 33-м месте в обоих алфавитах — *ѣ*, согласно с акростихами и более поздними абецедариями, где *ѣ* всюду непосредственно после *ь*. В Абесепатим вилгатиш, где *ы* и *ь* отсутствуют, *ѣ* следует непосредственно после *ъ*.

На 34-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского абецедария — «паукообразное *х*», в точном согласии с обоими акростихами, дающими после стихов на букву *ѣ* слова, начинающиеся с *хв* (Хвалк, Хвалдин); к этой букве должно относиться и название «Хъ» во 2-й редакции Сказания Храбра; в кирилловском алфавите Мюнхенского абецедария здесь — искаженное *ѣ*. Так как греческое *ϣ* в глаголических текстах передается обычно через *т*, то можно думать, что в древнейшую пору так же читалось и кирилловское *ѣ*; поэтому написание в Мюнхенском абецедарии кирилловского *ѣ* в соответствии с глаголическим «паукообразным *х*» не свидетельствует о том, что такое соответствие первоначально, а не придумано самим составителем абецедария. Соответствие же между «паукообразным *х*» Мюнхенского абецедария и *хв* акростихов решительно указывает на то, что это *х* в первоначальноном славянском алфавите составляло особую букву, функционально отличную от обычного *х*, и занимало место непосредственно после *ѣ*. Название буквы «Хъръ» относилось в таком случае не к нему, а к обычному *х*, занимавшему место перед *ш*. Обычное *х* создано было только для передачи греческого *χ* перед палатальными гласными, а потому в обоих стихотворениях ему соответствует греческое слово *Хероуниъскыж* (или *Хероуъскыж*). Но почему-то, может быть, благодаря большей простоте рисунка, оно очень рано совершенно вытеснило «паукообразное *х*», изобретенное для передачи славянского непалатального *х* (или только славянского *х* или *х* округленного?). В Абесепатим вилгатиш, где «паукообразное *х*» стоит после *ѣ*, а *х* обычного рисунка между *ш* и *ъ*, порядок очевидно нарушен. Возможно, что нарушению порядка способствовало сходство «паукообразного *х*» с *ш* и названием *х* обычного рисунка «Хъръ» с названием буквы *ъ*: в латинской транскрипции XII в. одинаково «her».

На 35-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского абецедария стоит буква, которую я читаю как первую часть глаголического *ѣ*; в абецедарии начертание этой буквы несколько искажено, главным об-

разом тем, что верхушка открыта: тем не менее узнать в нем соответствующую букву, как она пишется в Кд, Пражских отр. и Син. Треби., нетрудно. В обеих старших стихотворных молитвах на соответствующем 34-м месте, после стихов на буквы **Ув**, в полном соответствии с глаголическим алфавитом Мюнхенского аббедария, стоят стихи, начинающиеся с **ж** (**жжж**). В Сказании Храбра также в обеих старших редакциях **ж** стоит перед **ю**. Видно этого порядок букв глаголического алфавита Мюнхенского аббедария в этом месте надо признать первоначальным.

На 36-м месте в глаголическом алфавите Мюнхенского аббедария, непосредственно после первой части **ж**, стоит буква **ю**. Тот же порядок — в обеих акростихах (соответствующие стихи начинаются со слов **юнь** и **юже**) в обеих старших редакциях Сказания Храбра.

В кирилловском алфавите Мюнхенского аббедария 35-я и 36-я буквы алфавита переставлены: на 35-м месте буква **ю**, на 36-м — **ж** (место не имеющейся в кирилловском алфавите особой буквы для гласного элемента носового звука или сочетания, передаваемого буквой **ж**); тот же порядок и в Абессепатим выдатисим, где первая часть глаголического **ж** как особая буква отсутствует, а после **ю** следует **ж**. В более поздних кирилловских аббедариях **ж** отсутствует, а вместо него стоит **ж**, но названия, которые носят в этих аббедариях буквы **ю** и **ж**, именно «ю» и «жс», свидетельствуют, что буква **ж** здесь заменила букву **ж**. На основании Абессепатим выдатисим, где название «**уusz**» стоит над **ю**, можно думать, что это название первоначально относилось именно к этой букве, а буква **ж** носила название «ю» (т. е. первоначально — «ж»); позднее, при перестановке букв, названия не были переставлены.

37-я буква глаголического алфавита Мюнхенского аббедария — **д** (так я передаю букву, которую по почину Ягича принято передавать через **д**). В кирилловском алфавите ей соответствует **д** особого начертания: в обеих старших стихотворных молитвах — слова, начинающиеся на букву **д**. В акростихах это — последняя буква алфавита. В абессепатим выдатисим этой буквы нет.

Последняя, 38-я буква глаголического алфавита Мюнхенского аббедария — **д** (в транскрипции Ягича — **д**); в кирилловском алфавите ей соответствует **д**.

По сравнению с акростихами старших славянских стихотворных молитв в Мюнхенском аббедарии на 2 буквы больше, несмотря на то

что в обеих славянских алфавитах нет как особой буквы буквы **у**, которая занимает в акростихах 22-е место. Вместо буквы **у**, на которую указывают оба акростиха, в обоих алфавитах Мюнхенского аббедария имеется **оу**. Лишние буквы: в глаголическом алфавите — **й** на 31-м месте, между **ш** и **ч**, и **д** (**д**) на последнем, 38-м месте; в кирилловском — **ш** после **ь** на 31-м месте и **д** на 38-м месте; кроме того — **ы** на месте **ь**. Такой состав алфавита, поскольку он отличается от алфавита акростихов, несомненно, не первоначальный: в первоначальном, несомненно, на 22-м месте было не **оу**, а **у**, и вряд ли было **д** (в транскрипции Ягича **д**), потому что если бы оно было, то должно было бы быть и **ж**; между тем **ж** нет не только в обоих алфавитах этого аббедария, но и в Абессепатим выдатисим, где есть **ж**, и у Храбра. Поэтому я думаю, что Храбр, говоря о 38-ми буквах, имел в виду 36 букв акростихов и «двоегласные» **оу** и **ы**.

Выводы:

1. Первоначальный глаголический алфавит имел, не считая «двоегласных», 36 букв.
2. В этот алфавит входили, между прочим, все буквы глаголической цифровой системы. Нежно только, была ли 26-й буквой алфавита буква **ц**, занимающая это место в глаголической цифровой системе, или какая-то другая, не встречающаяся в глаголических текстах буква, место которой заняла потом буква **ц**. Первое предположение представляется более вероятным.
3. Буква «паучкообразное **х**» входила в алфавит как особая буква, функционально отличная от обычного рисунка, и занимала в нем место непосредственно после **ф**.
4. Буква **ж** и **д** в первоначальном глаголическом алфавите не было, но были буквы: первая часть глаголического **ж**, занимавшая место перед **ю**, и буква для неопределенной носовой или носового резонанса носовых гласных, занимавшая в алфавите последнее место.
5. Буква **з**, равно как и буквы с крючком для обозначения палатажности, в первоначальном кирилловском алфавите отсутствовали.
6. Буква **к** была уже в первоначальной кириллице.